

Диалектизмы в повести С.А. Есенина «Яр»

Елена Владимировна ЛОГАЧЕВА^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова»
390026, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Высоковольная, 9

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»
390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Свободы, 46

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7321-0290>, e-mail: logacheva81@gmail.com

Dialectisms in the novella “The Ravine” by S.A. Yesenin

Elena V. LOGACHEVA^{1,2}

¹I.P. Pavlov Ryazan State Medical University

19 Vysokovoltnaya St., Ryazan 390026, Russian Federation

²Ryazan State University named for S. Yesenin

46 Svobody St., Ryazan 390000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7321-0290>, e-mail: logacheva81@gmail.com

Аннотация. Дан анализ лексико-семантического своеобразия и частеречной активности диалектных слов как одной из стилистических доминант повести С.А. Есенина «Яр» и как части его индивидуально-творческой манеры. Данное исследование было проведено впервые. Рассмотрение материала осуществлялось при помощи методов интерпретации, компонентного анализа, а также структурно-описательного и контекстуального методов. В ходе работы с существующей литературой по данному вопросу была обнаружена недостаточность охвата материала и отсутствие анализа диалектной лексики в повести «Яр» с морфологической точки зрения. В процессе исследования обнаружено тематическое, морфологическое разнообразие и выявлена специфика проявления местных слов отдельно в авторской и диалогической речи произведения, а также функциональная обоснованность их применения. Доказано, что использование местных слов в повести обусловлено не только замыслом повести как произведения деревенской тематики, но и имеет глубокую когнитивную основу. Актуальность состоит в том, что проведенное исследование диалектной лексики повести позволяет дополнить знания о специфике поэтики С.А. Есенина, его языковой картине мира и своеобразии его идиостиля.

Ключевые слова: диалектизмы; функции диалектизмов; лексико-семантические группы слов; авторская речь; речь персонажей

Для цитирования: Логачева Е.В. Диалектизмы в повести С.А. Есенина «Яр» // Нефилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 282-292. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-282-292

Abstract. We analyze lexical and semantic originality and part of speech activity of dialect words as one of the stylistic dominants of the S.A. Yesenin’s novella “The Ravine” and as part of his individual creative manner. This study was conducted for the first time. We consider the material using the methods of interpretation, component analysis, as well as structural descriptive and contextual methods. In the course of working with the existing literature on this issue, we discover the lack of material coverage and the absence of dialect vocabulary analysis in the novella “The Ravine” from morphological point of view. We find the thematic, morphological diversity and reveal the manifestation specificity of local words in the author’s and dialogical speech of the work, as well as the functional validity of their application. We prove that the use of local words in novella is caused not only by the idea of novella being a village theme work, but also has a deep cognitive basis. The relevance of the study lies in the fact that conducted research of novella’s dialectal vocabulary allows to complement the knowledge of the specificity of S.A. Yesenin poetics’, his linguistic worldview and the peculiarity of his individual style.

Keywords: dialectisms; dialectisms' functions; lexical and semantic word groups; author's speech, characters' speech

For citation: Logacheva E.V. Dialektizmy v povesti S.A. Esenina «Yar» [Dialectisms in the novella "The Ravine" by S.A. Yesenin]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 282-292. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-282-292 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Повесть «Яр» – первый прозаический опыт С.А. Есенина. Выйдя в печать в 1916 г., она удостоилась нескольких достаточно негативных отзывов. Их авторы акцентировали внимание читателей на сложности восприятия произведения вследствие нагромождения непонятных обывателю местных слов и выражений. Так, А.А. Измайлов обвинял начинающего писателя в том, что «местный колорит, усиленно создаваемый совершенно непонятными словами, – ушук, летуга, коряжник, еланка, олахарь, корогод, вертье, шипульник, растагарить, тропыхать, кугакать, – говорит только о том, что рискованно писать повесть для широких кругов на местном наречии» [1, с. 347]. Критик, печатавшийся под псевдонимом Лорд Генри, недоумевал, зачем создавать местный колорит только с помощью слов (типа «лещуга», «бурьга», «чапыга» и др.), которые затруднительны для восприятия читающего. На неоправданное «стремление Есенина насытить повесть диалектизмами» [1, с. 347] сетовал и Я.В. Перович.

Целью нашей работы стало обобщение опыта предшествующих авторов в данной тематике и, на основе ранее не проводившегося анализа частеречной активности и лексико-семантического своеобразия местных слов в повести, выявление функциональной составляющей диалектизмов в системе идиолекта поэта.

Основу диалектного словаря повести составляют лексические и, значительно реже, семантические диалектизмы, которые и были взяты нами для рассмотрения.

По данным «Словаря языка Есенина: художественная проза» Г.И. Шипулиной [2], в повести содержится около трехсот диалектных лексем. Особенностью повести «Яр» можно назвать обширное употребление диалектизмов как в речи автора, так и в речи персонажей. Повествование ведется от лица человека, хорошо знакомого с разговорными особенностями жителей ряда рязанских сел, с жизненным распорядком, разбирающегося

в деталях бытоустройства и психологии сельчан. Автор как бы проживает описанный период вместе с героями. Не случайно некоторые исследователи видят фигуру самого поэта в проезжающем улыбчивом барине с добрым лицом: – *Прощай, старичок, помолись за меня угодникам, да вот тебе трешница, вынимай каждый день просфору за раба Божьего Сергея* [1, с. 132].

Употребление местных слов в диалогической речи и в авторском повествовании неодинаково и имеет свои особенности.

Имя существительное – самая продуктивная часть речи обеих категорий диалектных слов. Это связано со спецификой деревенского уклада и быта, необходимостью точного именованья, конкретизации понятий, вещей, предметов обихода и одежды, посуды и т. д.

Вопрос разделения диалектных слов на различные тематические группы затрагивался в ряде работ по диалектологии. Тематическими называют такие совокупности слов, которые объединяют близкие или связанные понятия и обычно выражены одной частью речи.

Авторские диалектные субстантивы в 2 раза превышают количество аналогичных слов, содержащихся в репликах персонажей, и включают разнообразные тематические группы:

1) наименование человека по роду деятельности, статусу, образу жизни и т. д.: *мыканец, метчик, шалыган, ёрник, попутник* и др. *Дымовитые гривы тряхнули обвешанными лентами, и из головней вылез подвыпивший дружок* [1, с. 15]; *дружок* – «один из главных участников старинного свадебного обряда и распорядителей на свадьбе со стороны жениха» [2, т. 1, с. 221]. *На пятом году хозяйничанья Афонька поехал к сестре взять к себе на прокорм шалыгана Кузьку* [1, с. 34]; *шалыган* – «шалун, бездельник, шалопай» [2, т. 2, с. 376];

2) наименования животных и птиц – зоонимы: *цыбис, веснянка, бучень. Слышно,*

как тоненько взвенивала осокой река и где-то наянно бухал бучень [1, с. 64]; бучень – «птица выпь» [2, т. 1, с. 72];

3) предметы или части предметов домашнего обихода: *рушник, посевка, окорёнок, мотальник, махотка, кочатыг, корец, жарница* и др. *Затыкала в стенку веретена свои, скомкала шерсть на кудели и привесила с донцем у бруса* [1, с. 60]; донце – «дощечка, на которой сидит пряжа» [2, т. 1, с. 214]. Некоторые лексемы почти совпадают по звучанию с общелитературными словами, но имеют словообразовательные или фонетические варианты (*полоник, полотенец*): *Бабка налила в полоник воды и бросила туда из жаровни засопевшие угли* [1, с. 127];

4) обозначение понятий и предметов обихода, используемых вне жилища: *скрябка, порошня, постельник, прясло, кошель, грядка, оброть* и т. д. *К вечеру стога были огорожены пряслем и приятно манили на отдых* [1, с. 96]; *прясло* – «изгородь из жердей, досок, укрепленных горизонтально между вбитыми в землю столбами, кольями» [2, т. 2, с. 138]. *Оброть звякала и шуриала на соломе* [1, с. 92]; *оброть* – «недоуздок, конская узда без удил и с одним поводом для привязи» [2, т. 1, с. 513];

5) названия блюд и их частей, напитков, полуфабрикатов: *саламата, любовина, лушник, кулага, воронок. От него [Епишки] несло водкой и саламатой* [1, с. 64]; саламата – не имеет однозначного толкования, трактуется как «кушанье, приготовленное из поджаренной муки с маслом» [2, т. 2, с. 185] либо как «род жидкой каши из гречневой муки, заваренной кипятком» [3, с. 499];

6) существительные локативной семантики. Группа объединяет понятия с общим значением места и подразделяется на две более узкие разновидности:

– природные локации. Группа включает в себя наименования ландшафтных особенностей рязанских земель как части среднерусской полосы, особенностей рельефа (*еланка, выбень, балка, пасик, бочаг, лоск, стёжка, бурыга*). Например: *С крутояра увидел, как Лимпиада отворяла околицу* [1, с. 86]; *крутояр* – «крутой обрывистый берег» [2, т. 1, с. 384]. Лексема *стёжка* достаточно прочно закрепилась в поэтическом словаре и имеет помету «нар.-поэт.». Относительно

частая встречаемость ее в речи, видимо, связана с географическим распространением на большой территории;

– строения, сооруженные человеком (*поветь, горница, околица*): *С двумя работницами пришла Лимпиада и, сбросив кузов, достала с повети котел* [1, с. 77]; *поветь* – «помещение с навесом для хранения хозяйственного инвентаря, для загона скота; крытое нежилое место» [2, т. 2, с. 38]. К этой группе также отнесены лексемы с обозначением частей русской печи: *печурка, брус, зазнетка*. Печь в русской избе была центром, вокруг которого выстраивалась жизнь в доме. Будучи источником тепла в долгие холодные дни, приготовления пищи, а порой, спальным местом, печь занимала значительное место в доме и имела свои наименования каждой составляющей части (опечье, устье, лежанка, задвижка и т. д.);

7) одежда и ее части: *свитка, коротайка, полушалок, калпушка: Филипп постелил у костра кожух, накрылся свиткой и задремал* [1, с. 74]; *свитка* – «длинная распашная верхняя мужская и женская народная одежда из домотканого сукна» [2, т. 2, с. 195]. Подробному анализу данной категории слов посвящено исследование Е.П. Осиповой [4]. Глубокий этнографический материал статьи позволяет увидеть сложную связь между предметами национального костюма, их названиями и «взглядом на окружающий мир, восприятием русского человека, выросшего в атмосфере народной культуры» [4, с. 91];

8) фитонимы (названия растений), их части и совокупности. Это наименования кустарников (*чапыга, орясник, хворостинник, хворостник*), трав (*чемерика, куколь, лещуга*), ягод (*пьяника*) и др. Часто такие лексемы становятся объектами сравнительных конструкций: *Ехидно засмеялся, оцурив гнилые, как суровикой обмазанные зубы* [1, с. 49]; *суровика* – «смола хвойного дерева» [2, т. 2, с. 273]. Флористические диалектизмы повсеместно встречаются и в стихотворных произведениях поэта (куга, лещуга, кукольная) [см., например, 5, с. 43, 177, 415] и являются одной из значительных и заметных черт его индивидуально-авторского стиля.

Фитонимы выполняют в тексте важную смысловую функцию и играют роль этнографических, временных, локативных, эмо-

циональных индикаторов. В этой связи интересно отметить функционирование флористических диалектизмов в повести с негативными коннотациями. Среди выделенных лексем не обнаруживается абсолютно благоприятного по семантике слова. Так, чемерика и куколь – растения с ядовитыми компонентами, чапыга – «непроходимая поросль леса» [2, т. 2, с. 358], черный цвет суровики становится основанием сравнения гнилых зубов подельника Аксютки. Таким образом, С.А. Есенин, со свойственной ему непосредственностью внося региональный компонент в повествование, смешивая, совмещая общелитературную и областную лексику рассматриваемой тематики, репрезентирует восприятие обывателей села как представителей значительной части населения средней полосы России начала XX века, что, в свою очередь, позволяет интерпретировать авторскую концепцию картины мира;

9) лексика, связанная со временем покоса и другими работами (например, заготовкой дров). Время сбора урожая и других полевых работ считалось крайне важным на селе. Заготовка сена, к примеру, была ответственным периодом, проводилась в соответствии с традициями, по определенным правилам и в жизни крестьян занимала значительное место. Хорошо знаком с покосным порядком был и С.А. Есенин. Потому в повести процессу сенокосения посвящена целиком третья глава второй части и частично 2 следующие главы. Наряду с понятными общелитературными вилами, граблями, косой, дровами и т. д. читатель сталкивается с более конкретными местными наименованиями предметов: *пожня, брусница, окосье, попки* и др.: *Филипп ухватился за окосье, и стали перебираться руками* [1, с. 75]; *окосье – «рукоятка косы, косовище»* [2, т. 1, с. 526];

привычное читателю существительное *шалаш* обретает в рамках повести местную коннотацию «покосный домик» [2, т. 2, с. 376];

10) невещественные отвлеченные существительные (*лунь, мокреть, томь, ушук*). Большинство из них образованы способом нулевой суффиксации, что не редкость в творчестве С.А. Есенина: *Месяц, выкатившись из-за бугра долины, залил лунью крыльцо и крышу* [1, с. 145]; *лунь – «тусклый свет, блеск, белизна»* [2, т. 1, с. 414];

11) лексика музыкально-развлекательной семантики. Это местные разновидности частушек (*канавушки, прибаски*) и название музыкального инструмента (*ливенка*). Последнее обыграно поэтом не только в собственно авторском тексте, но и включено в текст частушки: *На улице девчата под окнами слонялись, парни в ливенку канавушки пиликали* [1, с. 116]; *ливенка – «однорядная гармоника»* [2, т. 1, с. 405].

При рассмотрении **персонажных** субстантивных диалектизмов отмечены следующие семантические группы слов:

1) слова, называющие человека по роду деятельности, статусу, образу жизни, которые занимают также лидирующую позицию (*тарарай, хамлет, прощальга, олахарь, зазуленька, оглоед* и др.). Нередко они имеют сниженную, бранную окраску: – *Ах вы, оглоеды, проклятые убийцы, разбойники* [1, с. 110]; *оглоед – «нахал, наглец, живущий за чужой счёт, дармоед»* [2, т. 1, с. 516]. Зачастую это общеупотребительные языковые единицы, приобретшие дополнительную областную семантику: – *«Эх, батько, вышколили твою собаку...»* [1, с. 78]; *батько – «обращение к попу»* [2, т. 1, с. 44];

2) обозначение понятий и предметов домашнего и дворового обихода, а также приспособления для хозяйствования и прокорма (*навильник, хруп, поставня*): – *Целую поставню загубил* [1, с. 99]; *поставня – «круглая корзиночка, плетёная из соломы, перевитой мелким лозняком»* [2, т. 2, с. 92];

3) среди предметов одежды и аксессуаров отмечены *чобот, шушпан, косник, оборка*: – *Шушпан её как-то выбился, сунулся я в карман и вытащил её деньги-то* [1, с. 48]; *шушпан – «старинная крестьянская одежда в виде свободного кафтана; летняя женская верхняя одежда»* [2, т. 2, с. 384];

4) погодные и атмосферные явления. Такие слова называют тип погоды в целом либо ее составляющие (*сиверга, чичер, мокреть*): – *Ведь холод, чичер, а ты шёл* [1, с. 133]; *чичер – «резкий холодный ветер на открытом месте»* [3, с. 599]; *«холодная погода с дождём и мокрым снегом»* [2, т. 2, с. 366];

5) отвлеченные существительные стали диалектными наименованиями таких понятий, как *погибель* («беда, несчастье»), *гребость* (в значении «брезгливость»), *удобь*

как «свойство и состояние удобного, способствующего обстоятельствам» [2, т. 2, с. 321], а также *пра* – усеченного диалектного варианта от слов «правда, право – истинно, воистину, уверяю» [2, т. 2, с. 103]: – *Мели, – буркнул дед. / – Пра* [1, с. 89]; – *Вытянул кошки спив-то, а мы теперь без всякой гребости попьём* [1, с. 101];

б) локативы в речи персонажей не столь многочисленны, как в авторском повествовании. Это распространенное в словаре Есенина *кулижка* («часть улицы перед домом, большая лужайка в селе» [2, т. 1, с. 390]), а также *сушило, каморочка* и безаффиксный субстантив женского рода *околь*, производный от служебной части речи, предлога, также представленного в тексте: – *Ну, а моя околь, – протянул Филипп* [1, с. 75];

7) лексика покосной семантики также незначительна по количеству в речи персонажей и представлена словами *отава* и *навьльник*: – *...Она, вешняя отава-то, мягче будет и съедобней...* [1, с. 46]; *отава* – «трава, растущая после первого укуса» [2, т. 1, с. 545].

Не нашли широкого применения в речи героев повести зоонимы, фитонимы, обозначения ландшафтных особенностей и др. По нашему мнению, это вполне объяснимо, так как широкое присутствие данных диалектных слов в авторском повествовании служит задачам описания действительности, создания пейзажных и бытовых зарисовок. Тогда как другой категории слов свойственна антропоцентричность живой разговорной речи, направленность на взаимодействие с собеседником, а также необходимость идентификации и наименования предметов быта в повседневной коммуникации.

Значения оставшихся местных существительных определяются бытовым окружением крестьян, обозначают понятия, близкие для них, повседневные, привычные: *зубок, вестка, засычка*. Диалектные существительные могут приобретать переносное значение, а также входить в состав устойчивых сочетаний: – *Ах ты, юрлов купырь! – ухмыльнулась Просинья* [1, с. 79]; *купырь* – «растение из семейства зонтичных» [2, т. 1, с. 391]. – *Что ты, родимец те сломай, уродуешь его, – подбежала какая-то баба* [1, с. 87]; *родимец* – «падучая младенцев, воспаление мозга с корчами; здесь: бранное слово» [2, т. 2, с. 166].

Таким образом, среди диалектных существительных авторского повествования можно отметить не только количественное превосходство, но и более значительное семантико-групповое разнообразие, широкий охват различных сфер жизнедеятельности. Для речи персонажей больше характерна экспрессивность, оценочность слов. Ярким показателем «разговорных» диалектизмов являются оценочные уменьшительно-ласкательные суффиксы: *зазуленька, подождочек, каморочка*.

Глаголы – одна из наиболее значимых частей речи в творчестве С.А. Есенина – занимает второе место по употребительности в авторском тексте и лидирует среди диалектных слов персонажей. Группа включает и отглагольные образования – причастия и деепричастия, так как их семантика в итоге восходит к семантике глагола, от которого они образованы.

Местные глагольные образования составляют значительную часть творчества С.А. Есенина, игнорировать которую не представляется возможным. Н.И. Демидова в своей статье [6] отмечает, что в стихи С.А. Есенина диалектная речь рязанского края привнесла многие формы глаголов (типа *поспеть, погинуть, стряхать* и др.). Расширяя высказанную мысль, можно констатировать, что не только в стихи, но и в художественную прозу, то есть в значительную часть всего творческого наследия поэта.

В *речи автора* преобладают областные словоформы со значением производимого звука. При этом крайне разнообразными предстают глаголы с семантикой:

– человеческого звукопроизводства (звуки и проявления речи, высказывания речи): *забуробить, выгаркивать, забурукать, затонакать, шумнуть*. Например: *затонакать* – в контексте повести: «забурчать, забормотать» [2, т. 1, с. 285] (*Скоро оравами затонакали мужики...* [1, с. 68]);

– звуков, воспроизводимых объектами живой и неживой природы. На страницах повести «Яр» создается целый звуковой фон, в котором стрекозы чирикают, филин ухает, кузнечики кулюкают, сова, вербы и вода шомонят: *На плесе шомонили вербы...* [1, с. 58]; *...И шомонил притулившийся в траве ручей* [1, с. 97]. Порой звуки леса являются

следствием определенного физического воздействия на объект, поэтому семантика звукового воспроизведения носит сопровождающую роль: *В коряжнике хрястнули сучья, и в мути месяца закружились распыленные перья* [1, с. 9].

Совмещающей в себе признаки названных двух групп глаголов является лексема *гаркать/гаркнуть*. Она встречается в повести многократно, относится не только к человеческим проявлениям речи, но, входя в состав сравнения, описывает звуки птицы иволги и характеризуется наличием оттенков значений.

Можно утверждать, что С.А. Есенин не только обладал значительным словарным запасом, но и чутким музыкальным слухом, способным улавливать, вычленять и разграничивать оттенки звуков, окружающих его, звуков природы и ее части – человека. Поэт, как самобытный представитель своего этноса, выступает выразителем богатой звуковой, интонационной, смысловой системы существующего говора.

Среди остальных лексем данной группы присутствуют глагольные формы со значением:

– конкретного физического действия (*завастривать, рассучивать, пристиснуть, почомкаться, сгорстать*), иногда сопровождаемого звуковым сопровождением (*байкать, посупив*). Например: – *Костя, – пристиснула она его голову, – милый, не уходи* [1, с. 120];

– слухового восприятия (*допрянуть*): *Вдруг до него [Филиппа] допрянул рассыпающийся топот и сдавленные голоса* [1, с. 107];

– местоположения и перемещения в пространстве (*подстревший, пострять* и его причастная и деепричастная формы). *Чукан, кусая ошейник, скулил и царапался в пострывшее на проходе ведро* [1, с. 9];

Фигурирует в повествовании автора глагол с безличным значением (*зарило*), а также диалектный вариант устойчивого сочетания – *напрянуть уши* (ср.: *наострить уши*).

Анализ глагольных диалектизмов в *речи героев* показал более широкое тематическое разнообразие и значительные семантические отличия.

Глаголов звукопроизводства здесь существенно меньше. При этом глаголы речи раз-

нообразны и входят в синонимический ряд (*казать, баять, грить, гурорить*). Наряду с другими словами и их звуко-буквенным оформлением они служат приемом идентификации персонажа, то есть выполняют моделирующую и характерологическую функции. Например, неоднократно используемое в повести *грить* в сочетании с передачей звукового оформления некоторых слов на письме (*сичас, к ирхирею, пожжай* и др.) становится отличительной приметой речи деда Иена: – *Позвал поп работника Ивана и грить ему так...* [1, с. 78]. Выступает оно и в качестве формы 3 лица глагола настоящего времени и в функции вводного слова: *«Дело, грить, делаю: Сова сичас утонулся»* [1, с. 90].

Производителем действия остальных глаголов этой подгруппы также является человек: *сычаться* – «здесь: лезть, выступить» [2, т. 2, с. 277] (– *Ты всё сычишься наперед, – обидчиво дёрнул губами Федька* [1, с. 55]); *поязан* – от гл. *поязать*: *обещан* [2, т. 2, с. 103] (– *Коли поязано, так давай-подавай* [1, с. 100]). Таким образом, можно увидеть, что в речи персонажей отсутствуют глаголы с семантикой звуков, воспроизводимых объектами живой и неживой природы. Объясняется это разными задачами авторской и диалогической речи, что соответствует общезыковой тенденции.

Самой многочисленной подгруппой в языке персонажей стали акциональные глаголы со значением конкретного физического действия: – *Навивать копна станешь* [1, с. 96]; *навивать* – «вилами нагружать, укладывать сено, солому» [2, т. 1, с. 458]; – *Не вызрела ещё, нагнулась Лимтиада, – зря напушил только* [1, с. 99]; *напушить* – «рассыпать, обсыпать чем-то» [2, т. 1, с. 468]. Сюда были включены лексемы, удовлетворяющие требованиям «наличия одушевленного производителя действия», наличия материального «объекта, на который направлено действие» и наличия «изменений в объекте как результата совершённого воздействия» [7, с. 6]. Преобладание обозначенной категории глаголов в данном случае оправдано деятельностно-бытовой направленностью жизни сельчан – героев произведения. Подобные глаголы отражают различные стороны труда как доминантной и исторически первоначальной формы деятельности людей. Они

преобладают и в общезыковой практике. Таким образом, прослеживается характерная для лингвистической картины тенденция.

Глаголы со значением перемещения в пространстве содержат не только информативную составляющую (*заблудишь, спяшишь*), но и экспрессивно-оценочные оттенки, отношение говорящего к действию, переносные значения (*пшёл, брыкнуться, тулился, хлыщит*): – *Липка-то, чай, всё за ребятами хлыщит, – протянул он [Ваньчок], разглаживая бороду* [1, с. 102]; хлыстать – «таскаться» [2, т. 2, с. 344].

Не менее важны и содержательны в экспрессивном отношении глагольные формы эмоционально-поведенческой семантики, не ориентированные на объект: *хрундучить, крушиниться, спугаться, болезновать*; эмоционально-физического воздействия, направленного на другого человека: *потращать, пожалиться, зманывать, замануть*.

Среди прочих значений отметим глаголы слухового восприятия (*послухать, прослышать, чуют*), прекращения бытия (*окадычиться, погнуть*), глаголы со значением ментального действия (*сумлеваться, сгадать*), неакциональный глагол состояния (*зорить*).

В единичном случае зафиксирован неполнозначительный глагольный диалектизм *займаться* («выполнять какую-либо работу, делать что-то» [2, т. 1, с. 264]), не образующий самостоятельного компонента предложения: – *Так, так, – кивал головой конюх, – сказывают, охотой занимается ещё* [1, с. 71].

Императивная форма глагола *небось*, будучи омонимом к вводному слову, в значении сказуемого в словаре Г. Шипулиной помечено как устаревшее, областное и соответствует общелитературному «не бойся»: – *Небось, – выпятив отвислую грудь, ответила кухарка...* [1, с. 25].

Прилагательные, как один из составных элементов создания экспрессии, также употребительны в пласте диалектной лексики С.А. Есенина. Распространённость их в тексте, возможно, объясняется тем, что «в современном русском языке имена прилагательные – это самая многочисленная после имен существительных армия слов» [8, с. 158].

Можно полагать, что аналогичная ситуация представлена в диалектной среде.

Прилагательные функционируют во всех говорах как самостоятельная лексико-грамматическая категория, включающая качественные, относительные и притяжательные образцы слов. В авторской речи собственно диалектных вариативных и иных необщелитературных модификаций словоизменения прилагательных не выявлено. В повествовании автора такие варианты не вписывались бы в систему нормативного кодифицированного русского языка, образцом которого и являются произведения классиков литературы. Они характерны для речи персонажей и выполняют характерологическую и моделирующую функции.

Большое число прилагательных в русском языке и в диалектах, в частности, определяется исторически. Главным их критерием считается атрибутивность, признаковость, установление качества субстанции, которое определяется как «основная категория в характеристике вещного мира» [9, с. 26]. Они выступают ключевым репрезентантом русской языковой картины мира и отображают этнокультурную уникальность русского народа [10].

Диалектной лексике свойственна конкретизация понятий, обрисовывающих специфику природных условий, своеобразие хозяйственной жизни, наименований качеств живых существ, что вызвано необходимостью точнее охарактеризовать явление, лицо или предмет с какой-либо стороны, подчеркнуть его выраженные особенности. Это позволяет соотнести обнаруженные в повести в *речи автора* прилагательные со следующими характерологическими ячейками, связанными с конкретным выражением признака:

1) слова, характеризующие внешние качества человека, животного, предмета. Это визуальные и визуально-тактильные характеристики: *корюзлый, мухортый, мохростый*. – *Придут, – говорил он, глядя мухортую собаку* [1, с. 34]; мухортый – «невзрачный, захудалый» [2, т. 1, с. 445]. Иногда такие слова появляются благодаря сходству с кем- или чем-либо: *Клубоватой дерюгой на снегу застыли серые следы* [1, с. 10]; клубоватый – похожий на клубок, шаровидный [1, с. 380]. Порой возникает сложный визуаль-

ный образ, на который накладывается семантика следствия, а порой и цветовые нюансы и даже ароматические. Таково прилагательное *копотный*, заключающее в себе значение «дымный, закопчённый» [2, т. 1, с. 365]: *Филипп стал на лавочку и обмел на потолке копотные паутины* [1, с. 129];

2) слова, называющие физические характеристики, способности: *вьюркий, водяниковый. Вьюркие щуки, ударяя в стенки мешка, щекотали ему колени* [1, с. 51]; *вьюркий* – «быстрый, вёрткий» [2, т. 1, с. 154];

3) природные явления: *леденелый, морочный. ...Сквозь леденелые стволы осинника показались Ваньчок и Филипп* [1, с. 13]; *леденелый* – «покрытый льдом» [2, т. 1, с. 399];

4) цветовые характеристики: *пегасый, красниковый. Поп глянул на сочную, только вынутую из рассола ветчину и ткнул в красниковую любовину пальцем* [1, с. 16]; *красниковый* – «нежно-розового цвета» [2, т. 1, с. 375];

5) слова, называющие целевое назначение предмета: *Она [тётка] надела новую шубейку, покрыла белую тужильную по покойному мужу косынку и пошла свахой* [1, с. 118]; *тужильный* – «белая косынка, которой женщины покрывают головы в знак траура» [2, т. 2, с. 308];

6) ландшафтное своеобразие: *Пасик — еланка и орешник, место буерачное и неприглядное* [1, с. 66];

7) внутренние качества людей, где к тому же наблюдается перенос значения. Ср: ухабистый мужик – ухабистые канавушки. Или: *наянный* – «нахальный, навязчивый, надоедливый» [2, т. 1, с. 475]: *Подсела к Епишке девка какая-то, наянная такая, целоваться лезет* [1, с. 139];

8) слова, которые называют конечное состояние объекта. Такие словоформы имеют ярко выраженную «отглагольность», близки причастиям, иногда имеют соответствия в общелитературном языке, воспроизводимую при замене суффикса. Ср: *сдохлый* – *сдохший*. По семантике они близки прилагательным со значением внешних характеристик. Однако в данной группе четко прослеживается значение результативности, тогда как собственно атрибутивность, признаковость уходит на второй план: *Из сеней выбег попов работник, помог ему [дружке] нести и ввел в*

сдохлую от телячьей вони кухню [1, с. 15]; *сдохлый* – «сгнивший, испортившийся; провонявший» [2, т. 2, с. 201].

Реплики героев повести не столь насыщены словами описываемой части речи. Речь жителей села, как правило, не отличается богатой живописательностью окружающих явлений. Однако ей свойственны точность характеристик, вычленение особенностей личности или предмета, лаконичность формулировок и наименований. Отсюда, по нашему мнению, значительно суженная, по сравнению с авторской, категоричность. Так, общее количество обнаруженных в речи героев прилагательных целесообразно распределить всего на 2 семантические категории. Это:

1) характеристика внешних, поведенческих, сущностных качеств субъекта и его физических способностей: *болезный, нехолявый, вострый* (в переносном значении: *проворный, бойкий*), *бесталанный, балмошный*. – *Поди, закуси малость, небось ведь намытарился, болезный* [1, с. 133]; *болезный* – вызывающий сострадание, жалость. Такие прилагательные призваны выполнять оценочную, характерологическую функцию. Они дают понятие как о внешнем облике человека, так и его умственных, душевных, психических и иных качествах, чертах характера и т. п.;

2) цветовое своеобразие предмета: – *...А она всё бурдовым платком закрывалась* [1, с. 47]; *бурдовый* – «от бурда – мутный напиток и бордовый – тёмно-красный: обозначение цвета» [2, т. 1, с. 71].

Четвёртыми по частоте функционирования оказались **наречия**.

Наречие характеризуется неизменяемостью, неоднородностью морфологического строения и семантики, изменчивостью, зыбкостью границ.

Почти все *авторские* адвербиальные слова относятся к разряду определительных, которые характеризуют действие или признак со стороны его качества, количества и способа совершения.

Группа определительных («собственно-характеризующих» [11, с. 11]) наречий включает в свой состав:

– качественные наречия, образованные от соответствующих прилагательных и в

большинстве своем предполагающих синонимические соответствия в литературном языке: *лазушно, наянно, болезно, гаркло, мохрасто* и др. – *Ух, ух, – лазушно хлопал крыльями сыч* [1, с. 33]; *лазушно – «докучливо, надоедливо»* [2, т. 1, с. 396];

– наречия образа и способа совершения действия: *взнамёт, телешом. Филипп скинул с себя одежду и телешом бросился на мост* [1, с. 85].

Обстоятельственные наречия, определяющие пространственные отношения, – это отыменное наречие *вдогонь* и местоименное наречие *оттолева*. Е.В. Бочкарёва в своем диссертационном исследовании называет их транслокативными (или куда-, откуда-наречиями) [12, с. 8].

По-иному распределяются областные наречия в *диалогической* речи. Качественные наречия представлены парой примеров: *заболно – «навязчиво, сильно»* [2, т. 1, с. 254]: – *И заболно так по впадинам череда разит* [1, с. 74]; *мускорно – «трудно, однообразно»* [2, т. 1, с. 444]: – *Знамо, теперь нам мускорно* [1, с. 62].

Но очевидно преобладание обстоятельственных наречий времени (указывают на этапы совершения действия, порядок следования, обозначают их границы) и места (обрисовывают направление следования, выполняют локативную функцию, указывая на местонахождение субъекта или объекта): *давеча, исперва, оттулева, тудылича, этось: – Я в кусты, он за мной, я к лошади, и он туды...* [1, с. 92].

Очевидно, что в диалектной картине мира Есенина-автора прослеживается общезыковая тенденция преобладания определительных качественных наречий. Они наиболее стилистически активны, выступают в речи ярким источником экспрессии. При помощи подобных наречий-эпитетов повествователь рисует эмоциональные образы природы и человека. Их доминирование среди других групп наречий в авторском повествовании мотивировано, поскольку их выразительно-изобразительные возможности весьма широки. В то же время чисто информативная функция обстоятельственных адвербиальных слов является более значимой для речи персонажей, где они выполняют важную идейную функцию обрисовки пространственно-

временных границ действия героев. Не случайно С.А. Есенин уделяет большое внимание подробному описанию местонахождения и времени совершения событий. Так, по наблюдению Е.А. Самоделовой, композиция произведения «выстроена согласно аграрно-православному календарю» [13, с. 83]. В повести легко определяется место и период действия ключевых событий.

Категория **служебных частей речи** представлена в повести преимущественно в репликах персонажей, поскольку традиционно они являются характерной принадлежностью разговорной речи. В *авторском повествовании* обнаружен 1 пример диалектной служебной части речи – это предлог (*околь*), имеющий в тексте омоним-существительное: *Околь бурьги, посытаясь белою пылью, ваялся черно-рыжий пестун* [1, с. 10].

В *диалогах героев* служебные части речи отмечены наличием частиц (*разя, дакось, ай*), союзов (*ай, али, покуль*), предлога (*до*): – *Дакось я те стану ковырять морду-то!* [1, с. 87]; – *Ай и скупицики были?..* [1, с. 30]; – *Покуль я развязывал, он ему штук пять вознал* [1, с. 50]; – *Ой, не ходила бы девка до мельника* [1, с. 143].

Как видно, преобладающей категорией областных слов в повести становятся существительные, что соответствует общедиалектной ситуации в русском языке. Двукратное превосходство авторских диалектных существительных над персонажными объясняется задачами описания ситуаций, объектов природы и бытовой сферы, обрисовки общей картины предметной, «приземлённой» жизни села. Тем же задачам служит и преобладание глаголов со значением звукопроизводства. Языком жителя села автор стремиться изобразить не только предметно-зрительную сторону жизни, но и донести до читателя, «заставить» услышать, почувствовать звуковой облик мира, в котором сосуществуют и растения, и животные, и сам человек со всем многообразием слухо-производительных возможностей, оттенков, переливов, нюансов. Это и богатство речевых интонаций, с точностью воспроизведенных в тексте, и музыкальный потенциал, и звуковая картина, составляющаяся, как мозаика, из повседневных звуков дома, двора, выходящая в более широкое пространство полей и лесов.

Широкое использование диалектных словоформ практически всех частей речи нельзя назвать простым нагромождением с целью показа народного быта. Оно лишено «искусственности», декоративности, нарочитой «придуманности», присущей ряду представителей крестьянской прозы. Это результат продуманного отбора речевых средств, свойственных носителю «духовных ценностей русской культуры, закрепившему в языке многовековой опыт, наблюдательность, образное освоение действительности» [14, с. 146].

Соответственно, в тексте, помимо моделирующей, характерологической, номинативной функций реализуются следующие функции диалектизмов:

– кульминативная. Используется для привлечения внимания читателя к слову,

часто «через приём нарушения цельности графического образа слова, то есть отступления от правил орфографии или грамматики» [15, с. 65];

– фатическая функция связана с образом автора – человека из народа, не только хорошо владеющего народным языком как знаковой системой, но способного изменять и образовывать новые формы, грамматические и семантические варианты слов; наконец, близкого своим героям;

– эстетическая и сопряженная с ней метаязыковая функция как сосредоточение внимания читателя на слове как таковом пронизывают всё творчество С.А. Есенина, сумевшего органично соединить литературный языковой материал с некодифицированной разновидностью национального языка.

Список литературы

1. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 5. Проза. 1997. 560 с.
2. *Шипулина Г.И.* Словарь языка Есенина: художественная проза: в 2 т. Баку: Мутарджим, 2015. Т. 1: А-О. 563 с.; Т. 2: П-Я. Приложения. 506 с.
3. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссоецкого. М.: Наука, 1969. 612 с.
4. *Осипова Е.П.* Лексика рязанского народного костюма в поэзии С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2008. № 9. С. 84-91.
5. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2014. 719 с.
6. *Демидова Н.И.* Диалектная речь рязанского края в поэтическом творчестве С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2005. № 3. С. 10-18.
7. *Скребцова Т.Г.* Семантика глаголов физического действия в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.
8. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
9. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 237 с.
10. *Драчева Ю.Н.* Структурно-семантические особенности наречий в современных вологодских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2011.
11. *Климова Ю.А.* Русские имена прилагательные: атрибутивная картина мира // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 122-127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-imena-prilagatelnye-atributivnaya-kartina-mira> (дата обращения: 24.01.2018).
12. *Бочкарёва Е.В.* Наречие в донских говорах: лексико-семантический и структурный аспекты исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
13. *Самоделова Е.А.* С.А. Есенин как собиратель, исследователь и интерпретатор фольклора // Современное есениноведение. 2010. № 15. С. 77-86.
14. *Кононенко Л.А., Шадрин М.Г.* Художественные функции диалектного слова в прозе С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2006. № 5. С. 142-146.
15. *Самотик Л.Г.* Лексика современного русского языка. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. 510 с.

References

1. *Yesenin S.A. Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 5. Proza* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 5. Prose]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1997, 560 p. (In Russian).

2. Shipulina G.I. *Slovar' yazyka Esenina: khudozhestvennaya proza: v 2 t.* [Dictionary of Yesenin's Language: Fictional Prose: in 2 vols.]. Baku, Mutardzhim Publ., 2015, vol. 1: A-O, 563 p.; vol. 2: P-Ya. Supplements, 506 p. (In Russian).
3. Ossovetskiy I.A. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti)* [Dictionary of Modern Russian Folk Patois (Village Deulino of Ryazan District of Ryazan Region)]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 612 p. (In Russian).
4. Osipova E.P. Leksika ryazanskogo narodnogo kostyuma v poezii S.A. Esenina [Vocabulary of Ryazan folk costume in the poetry of S.A. Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Yesenin Studies], 2008, no. 9, pp. 84-91. (In Russian).
5. Yesenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome* [Complete Works in 1 vol.]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2014, 719 p. (In Russian).
6. Demidova N.I. Dialektnaya rech' ryazanskogo kraya v poeticheskom tvorchestve S.A. Esenina [Dialect speech of the Ryazan Region in the poetic works of S.A. Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Yesenin Studies], 2005, no. 3, pp. 10-18. (In Russian).
7. Skrebtsova T.G. *Semantika glagolov fizicheskogo deystviya v russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Semantics of Physical Action Verbs in Russian Language. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 1996. (In Russian).
8. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian Language (Grammatical Study About the Word)]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001, 720 p. (In Russian).
9. Kolesov V.V. *Yazyk i mental'nost'* [Language and Mentality]. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2004, 237 p. (In Russian).
10. Dracheva Y.N. *Strukturno-semanticheskiye osobennosti narechiy v sovremennykh vologodskikh govorakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and Semantic Features of Adverbs in Modern Vologda Patois. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Vologda, 2011. (In Russian).
11. Klimova Y.A. Russkiye imena prilagatel'nyye: atributivnaya kartina mira [Russian adjectives: attributive picture of the world]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2008, no. 69, pp. 122-127. (In Russian). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkiye-imena-prilagatelnye-atributivnaya-kartina-mira> (accessed 24.01.2018).
12. Bochkareva E.V. *Narechiye v donskikh govorakh: leksiko-semanticheskiy i strukturnyy aspekty issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Adverb in Don Patois: Lexical-Semantic and Structural Aspects of the Study. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2008. (In Russian).
13. Samodelova E.A. S.A. Esenin kak sobiratel', issledovatel' i interpretator fol'klora [S.A. Yesenin as a collector, researcher and interpreter of folklore]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Yesenin Studies], 2010, no. 15, pp. 77-86. (In Russian).
14. Kononenko L.A., Shadrina M.G. Khudozhestvennyye funktsii dialektnogo slova v proze S.A. Esenina [Artistic function of dialect word in the prose of S.A. Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Yesenin Studies], 2006, no. 5, pp. 142-146. (In Russian).
15. Samotik L.G. *Leksika sovremennogo russkogo yazyka* [Vocabulary of the Contemporary Russian Language]. 2nd stereotype ed. Moscow, Flinta Publ., 2012, 510 p. (In Russian).

Информация об авторе

Логачева Елена Владимировна, преподаватель. Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова, г. Рязань, Российская Федерация; аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания. Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация. E-mail: logacheva81@gmail.com

Вклад в статью: анализ литературы, сбор данных, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7321-0290>

Поступила в редакцию 24.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 16.05.2019 г.

Принята к публикации 20.05.2019 г.

Information about the author

Elena V. Logacheva, Lecturer. I.P. Pavlov Ryazan State Medical University, Ryazan, Russian Federation; Post-Graduate Student, Russian Language and Methods of Its Teaching Department. Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russian Federation. E-mail: logacheva81@gmail.com

Contribution: literature analysis, data acquisition, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7321-0290>

Received 24 April 2019

Reviewed 16 May 2019

Accepted for press 20 May 2019